



Первое, что смогло пробиться сквозь обволакивающую Тамарино сознание пелену, было скорее не мыслью, а пока еще только чувством: «Боже, как холодно!» Думать поначалу она была не в состоянии. Просто ощущала, как ее окоченевшее тело сотрясает такая дрожь, что лишь чуть-чуть не хватало до судороги. Потом и сознание начало включаться. Медленно, фрагментами, как утренний пейзаж, проступающий сквозь начавший рассеиваться туман. Холодно! Очень холодно! Но почему?

Уже осознанно Тамара попыталась шевельнуть рукой. Пальцы царапнули подтаявший снег. Снег?! Неожиданное открытие подстегнуло Тамарино сознание, побуждая его возвращаться быстрее. Она начала не только воспринимать окружающее, она стала еще и думать. Откуда вокруг нее мог взяться снег? И вообще, где она находится? Голова раскалывалась на ча-

сти. Не сдержав болезненного стога, Тамара с трудом разлепила глаза. Льдинки, сковывавшие ресницы, повисли на них мелким бисером. За ними мало что было видно, но первую информацию к размышлению Тамара получила: она в лесу! В зимнем, заснеженном лесу! Лежит возле кучи валежника. Как она здесь оказалась? Она, жительница города, никогда не выезжавшая за его пределы?

Дрожь, сотрясающая ее тело, дала Тамаре понять, что первым делом нужно как-то отсюда выбраться. А уж как она сюда попала — это как раз вопрос не первой важности. Прочь отсюда, скорее — выбираться из этого холодильника под открытым небом.

Ага, ноги. Надо было как-то встать, а ноги-то онемели. С трудом заставляя их двигаться, Тамара кое-как поднялась. Постояла, шатаясь, дрожа и тупо глядя прямо перед собой. Какое сегодня число? Сколько времени она здесь провела? Вряд ли много, иначе никогда бы уже не задалась этим вопросом... Синоптики вроде обещали не слишком злые морозы в предновогодние дни? Впрочем, для человека, лежащего без сознания в снегу, всего пары градусов ниже нуля было бы вполне достаточно. Особенно в одежде не по сезону... Тамара критически оглядела свою одежду, чувствуя, что на ней явно не ее норковая шуба. И оказалась права, потому что бутафор-

ская, расшитая стразами «шубка» Снегурочки откровенно не тянула на норку. Ни по виду, ни, что сейчас было самое главное, по своим согревающим качествам. Напротив, она была пошита так, чтобы артистке в ней было не слишком жарко на сцене. И если бы Тамара уже несколько лет не занималась закалкой, обливанием и купанием в проруби... До нее вдруг со всей отчетливостью дошла приподнившаяся мысль о том, что, кажется, ее пытались убить. Кто и за что? Она же в жизни своей никому ничего плохого не сделала! Но, видимо, при этом все-таки сумела кому-то не понравиться.

— Не дождетесь! — Отчаянно стряхивая с себя обледеневший снег и стуча зубами, она огляделась.

Нарядная шапочка Снегурки в комплекте с двумя искусственными белоснежными косичками и челочкой валялась здесь же, возле сваленных в кучу веток. Такая же хлипкая, как и шубка. Но для Тамары сейчас имел ценность каждый клочок ткани, которым можно было себя утеплить, поэтому она нагнулась за шапкой, встряхнула ее и надела, аккуратно прикрыв пылающие уши. Убедилась, что рядом с шапкой больше нет никаких вещей — главным образом сумочки с телефоном. Потом огляделась вокруг.

Всюду, куда бы она ни повернула голову, ее взгляд утыкался лишь в деревья. В основном в

высокие вековые ели, тянущиеся макушками к низко нависающим снеговым тучам. Хорошо хоть снег из туч пока не шел, а то нашли бы ее, наверное, уже только весной, первые любители подснежников. А может, еще и найдут, если она все-таки не найдет способа отсюда выбраться. Способа и сил, которых практически не было в трясущемся теле. Упасть бы сейчас на кровать, свернуться калачиком и замотаться в теплое одеяло!.. Но Тамара отогнала от себя эти предательские мысли, потому что поняла, что и в самом деле может сейчас упасть и больше никогда не подняться. Апатия накатывала на нее, но безжалостная дрожь заставляла пока придерживаться этого мира. И действовать. Надо выбираться отсюда срочно, и не только для того, чтобы найти кого-то, способного помочь, но и чтобы просто двигаться. Вот только куда идти?

Она была уже близка к тому, чтобы направиться по глубокому снегу хоть куда-нибудь — возможно, прямо на корм оголодавшим зимой волкам, — как вдруг ее посетила светлая мысль: а как она сюда попала? Не сама пришла и не прилетела, это точно. Но ведь тот, кто притащил ее сюда, должен был оставить на снегу какие-нибудь следы! Тамара опустила глаза и огляделась еще раз. И действительно, нашла дорожку из утрамбованного чьими-то ногами снега. Не переставая радоваться тому, что снегопад пока

не начался, она неловко, пошатываясь на каждом шагу, двинулась по цепочке из следов. Тело слушалось плохо, онемевшие ноги двигались с трудом. Еще и сумерки начинали сгущаться, подгоняемые ненастным днем, как назло... Но Тамара не позволила себе отчаиваться, потому что в данной ситуации для нее это означало бы верную смерть. А пожить еще хотелось. И не в последнюю очередь для того, чтобы все-таки узнать, как она здесь оказалась и по чьей недоброй воле это произошло.

Постепенно к телу начала возвращаться подвижность, вот только озноб вместе с оцепенением не проходил, как будто угнездившись где-то глубоко внутри. Шаг, еще шаг. Стискивая зубы, она заставляла себя идти по глубокому снегу. Проваливаясь в него выше колена и падая в попытке сделать следующий шаг, снова выбиралась и замерзшими пальцами выковыривала из голенища снег, часть которого все-таки успевала растаять и предательским холодком стечь в сапоги — к счастью, хоть они не были бутафорскими. Покалывание в ногах, особенно болезненное на кончиках пальцев, уже сменилось онемением, и это приносило некоторое облегчение, хоть и не сулило ничего хорошего.

С неба вначале поштучно, а затем все гуще начали сыпаться снежинки. Тамару этот снегопад заставил занервничать: если едва намечен-

ную неизвестным злоумышленником тропинку засыплет прежде, чем та ее куда-то выведет, то все, пиши пропало, она здесь заблудится! И замерзнет, это уже наверняка. Тамара живо представила себе свое тело, страшное, посиневшее, скрюченное, засыпаемое снегом. Вначале снег запорошит лицо и одежду, оставляя лишь объемные белые очертания тела, потом и они начнут медленно сглаживаться, постепенно сливаясь с покрывающим лес снежным ковром...

На этой далеко не оптимистичной ноте она вдруг даже не вышла, а скорее вывалилась на дорогу. С трудом сохранив равновесие, вначале замерла, боясь поверить в такое счастье. Потом огляделась по сторонам и поняла, что счастья как такового выпало не слишком много. Дорога оказалась проселочной узкоколейкой, по которой машины проезжали хорошо если каждый день, а не раз в неделю. Да, у такой дороги есть преимущество — с нее не сбиться, как с тропинки, и она укатана, благодаря чему по ней гораздо легче идти. Но в какую сторону? След от машины, на которой Тамару могли довести до этого места, уже исчез в свежесвыпавшем снегу. Она вышла на середину дороги, огляделась. Место, где ее выбросили, было приметным: здесь имела арка из трех наклонившихся друг к другу елей, перед которыми валялась четвертая, от дерева в которой остались только очертания,

а в нескольких метрах от этой композиции лес с обеих сторон прорезала просека. Ее вид отчего-то навел Тамару на мысль, что идти надо в ту сторону, потому что просека должна быть ближе к цивилизации. Других способов определить верное направление не было. Имелась лишь твердая уверенность, что свое начало эта узкоколейная дорога берет где-то на шоссе. Вот туда Тамаре и надо было. Там люди и частый поток машин, можно поймать попутку, попросить о помощи.

Измученная и замерзшая, она, пошатываясь, замерла и попыталась уловить еще какой-нибудь, пусть даже и далекий, посторонний звук. Но вокруг царила первозданная тишина, в которой был различим лишь шелест падающего снега. И как Тамара ни вслушивалась, а желанного шума моторов услышать так и не смогла. Можно было еще положиться на интуицию, но та тоже упорно не желала нарушать тишину.

— Так, соберись... Не спать, не спать!.. — Тамара зажмурилась и тряхнула головой, надеясь прогнать обступивший ее снежный кошмар.

Может, это все действительно ей снится? А замерзла она от того, что во сне упала с кровати на пол? Но нет, на ее полу никогда не бывает *так* холодно. Тамара поднесла посиневшие руки к губам, попыталась хоть немного согреть их дыханием, но в итоге стало только хуже, пото-

му что чуть ожившие пальцы немедленно отозвались на влажное тепло ломотой. Оставался единственный способ согреться: двигаться. Даже если она выберет неверное направление, не к шоссе, то куда-нибудь эта дорога ее все равно приведет! Кто-то же куда-то по ней все-таки ездит, раз накатали? Только бы не какую-нибудь давно заброшенную вырубку!

Молясь об этом, Тамара в призрачной надежде на спасение пошла по незнакомой дороге неизвестно куда. Втянув голову в плечи, спрятав озябшие руки в тонкие рукава бутафорской шубки, она всеми возможными способами пыталась уберечь в себе крохи тепла. Теперь все закаливающие процедуры, которые она регулярно проделывала до этого дня, казались ей извращением. Разве можно себя специально морозить?! Сомнительное удовольствие... Если удастся отсюда выбраться, она никогда в жизни больше не станет подвергать себя добровольному охлаждению, пусть даже именно закаливание сегодня спасло ей жизнь. Ни обливаний, ни гимнастики на балконе в мороз, ни купаний в проруби! Нет! Тепло! Только тепло! Вот оно, истинное счастье! И никакого другого не надо! Но пока Тамару окружали только холод и одиночество, тишина и стремительно сгущавшиеся сумерки. Ни звука не доносилось со стороны, а небо было уже густо-синего цвета и продолжало быстро темнеть.

Оставалось лишь радоваться тому, что падает снег — с ним все-таки было посветлее. Сбиться с дороги Тамара не боялась, так как ее четко обозначали растущие по обе стороны высокие деревья. Но до чего же жутко было идти среди глухого леса, где вокруг ни души!

— Нет, я дойду! Хоть куда-нибудь! — прошептала Тамара, чувствуя при этом, как в грудь, уже изнутри, впиваются тонкие острые льдинки. Из-за них она больше не стала ничего говорить, хотя собственный голос был единственным средством, способным вернуть ей хоть капельку самообладания. Она просто шла вперед, стиснув зубы и не останавливаясь. А чтобы не дать панике захватить все ее существо, принялась восстанавливать хронологию событий.

Как же она здесь очутилась? Без денег, без телефона, без документов. Хорошо хоть *не во-все без памяти*, а то оборвалась бы связь со всей ее прежней жизнью. Но нет, имя-фамилию она помнит, адрес тоже. И все, что предшествовало ее таинственному и необъяснимому появлению в лесу, не забыла.

Помнила Тамара и всю свою жизнь за прошедшие годы, и смертельную болезнь Женьки, любимого мужа, три года назад закончившуюся похоронами. Помнила, что незадолго до Нового года она, известный в своей области специалист, неожиданно получила предложение перейти в

головной офис «Транс-корп» и руководить там отделом, управляя всеми финансовыми операциями компании. Тамару такое предложение очень обрадовало. «Транс-корп» была одной из крупнейших транспортных компаний в стране, имела филиалы по всему миру и могла себе позволить переманивать лучших специалистов у конкурентов. Чем и занималась, предлагая такие условия, от которых трудно было отказаться. Требования, конечно, тоже были высокие, но Тамару трудности не пугали. Ни то, что придется вести финансовые операции чуть ли не по всему миру, ни то, что денежный оборот при этом сможет сравниться с годовым оборотом небольшой страны. Ее это лишь подстегивало, ведь с тех пор, как судьба поставила крест на ее личной жизни, она жила одной лишь работой, не имея никаких других интересов. А тут — новые масштабы, широкие просторы для деятельности, огромные перспективы. Выслушав предложение от самого гендиректора «Транс-корпа», Тамара не колебалась с ответом. Жаль, конечно, было расставаться со своими прежними коллегами и огорчать уже бывшего работодателя, который ее тоже ценил. Но она утешала себя тем, что с коллегами сможет иногда встречаться и вне работы, а работодателю оставляет прекрасно отлаженный финансовый механизм, который будет четко и безотказно работать еще долгие годы,

если только не произойдет какой-нибудь сбой на глобальном уровне. Впрочем, такового Тамара не ожидала: ее бывший зам, занявший теперь ее место, был умным и надежным человеком, который не должен подвести. Да и она обещала, что в случае чего будет по старой дружбе давать своей бывшей компании необходимые консультации. В общем, вопрос с «Транс-корпом» был решен, Тамаре оставалось только принять дела у своего предшественника, уходящего на работу в какое-то министерство. Процесс был долгим и непростым, так что она всецело погрузилась в него, почти забыв про грядущие новогодние праздники. Но вспомнить о них ее все-таки заставили, правда, совершенно неожиданным образом. Оксана, бывшая одноклассница, с которой Тамара не виделась много лет, позвонила внезапно вечером двадцать восьмого, неведомо как раздобыв ее номер. И произнесла в трубку рыдающим голосом, так естественно, как будто они расстались только вчера:

— Томочка, милая, выручай!

— Что случилось? — Думая, что речь идет о какой-то финансовой консультации, Тома была готова помочь. Но оказалось, что помощь, о которой ее просили, была, мягко говоря, далека от рода Тамариной деятельности. О финансах там речь шла лишь в том плане, что Оксане обещан был гонорар.

— Оксан, извини, но это просто бред, — сказала Тамара, на редкость терпеливо выслушав долгий сбивчивый монолог о том, что ее бывшая одноклассница, еще со школьных лет грезившая о сцене, но вопреки мечтам так и не ставшая кинозвездой, работает теперь на театральных подмостках. И что в канун Нового года она уже не в первый раз берется играть Снегурочку на корпоративах и домашних заказах, но недавно она неудачно — а главное, не вовремя — упала, подвернув ногу и растянув связки, так что едва может передвигаться даже по квартире, не говоря уж о чем-то большем. А между тем на завтра у нее заказ, провалить который она никак не может, потому что клиентом выступает очень богатый и влиятельный дяденька, приглашающий ее уже не первый раз. И этот дяденька ей не простит, если в этот праздник его дети останутся без домашнего спектакля. Перепоручить его проведение кому-то другому Оксана не может. И даже не потому, что конкуренты могут понравиться хозяину больше самой Оксаны, так что на будущий год она потеряет выгодного заказчика. Дело в том, что сейчас, в самый канун праздника, график у всех Снегурочек уже расписан с плотностью до минуты и никто из Оксаниных коллег просто не в состоянии ее выручить... Вот нужда и заставила ее позвонить бывшей однокласснице, которая, как Оксана помнила, весьма

неплохо играла когда-то свои роли в школьных спектаклях.

— Том, ну почему сразу бред? Самое большее — час общения с двумя не самыми плохими детьми. Песни, стишки, все просто. Ты же можешь, в школе тебе это удавалось блестяще, разве трудно вернуться на часок-другой в детство?

— Оксан, одно дело — в школе, совсем другое — сейчас...

Тамара осеклась на полуслове, осознав, что не сможет объяснить Оксане причину своего отказа, не обидев ее. Да, когда-то Тамара играла небольшие роли в школьных спектаклях, но эти времена давно прошли. Теперь ей тридцать один, а не пятнадцать, и она уже совершенно другой человек — серьезный, солидный и даже в мыслях своих не допускающий, что она может лицедействовать на потеху толпе. Оксанино же отношение к лицедейству со школьных лет если и изменилось, то совершенно в другую сторону — для нее оно, похоже, стало нормой жизни. Ну да, так и есть, учитывая, где и кем она теперь работает. Как объяснить ей, что Тамара совершенно не разделяет ее увлечений, и сделать это так, чтобы бывшая одноклассница не почувствовала ее пренебрежения и не подумала о ней как о зазнавшейся избалованной «цаце»? Задача была не из легких, и под аккомпанемент Оксаниных всхлипываний, продолжающих до-

носиться из трубки, Тамара никак не могла решиться на отказ. Вроде теперь она совсем чужой человек, но ведь одиннадцать лет проучились вместе и даже год сидели за одной партой... В общем, Тамара согласилась на авантюру, которая в итоге завела ее в заснеженный зимний лес.

— Томка, я твой должник! — закричала Оксана в трубке, едва услышав неуверенное Тамарино «Ну, я не знаю...».

Тома аж шарахнулась от трубки, не ожидая резкого перехода на такие децибелы.

— Ты даже не представляешь, как ты меня выручила! Если тебе когда-нибудь потребуется моя помощь, ты только свистни и я ради тебя в лепешку разобьюсь! Спасибо, Томусик! Ты настоящий друг!

Это Тамара и без подсказок понимала. Вот только не была уверена в том, что в данном случае к пресловутому латинскому «гомо» можно добавить «сапиенс». А Оксана между тем, не давая ей опомниться и пойти на попятную, уже радостно излагала план дальнейших действий:

— Значит, завтра в час! Я сейчас дам твой телефон Деду Морозу, он позвонит и подъедет за тобой к твоему дому. Костюм Снегурки привезет с собой. Там шубка и шапочка, так что ты прямо в машине переоденешься, быстро и без проблем. Только накрасься заранее поярче. Губы, глаза, румянец наведи...

— Стоп, — Тамара окончательно растерялась, — какому еще Деду Морозу??

— В смысле — какому? Самому обычному! Не собирается же внучка ехать на утренник без дедушки? — Оксана оживилась, в ее голосе появились игривые нотки. — Он тебя возьмет под опеку! И довезет куда надо, и спектакль будет сам вести, а ты ему только подыгрывай. Ты сможешь, ты легко с этим справишься, у тебя же талант! Вот кому-кому, а тебе точно надо было с таким в театральный идти!

— Спасибо... — Тамара комплимента не оценила, но виду не подала.

Все еще пребывая в каком-то полушоковом состоянии, она скупно попрощалась с Оксаной, засыпавшей ее бесконтактными поцелуями и заверения в вечной дружбе-любви, после чего переосмыслила случившееся уже в тишине. Да, завтра у нее выходной. Не потому, что вся страна отдыхает, а потому, что они с ее предшественником решили немного отдышаться после двухнедельного рабочего марафона, присоединив к грядущим выходным еще и пятницу. Так что теоретически ничто не мешает завтра Тамаре выручить Оксану и превратиться на часок в Снегурочку. С другой стороны, едва Тамара представила себе завтрашнее мероприятие в деталях, ее передернуло. Накрашенная и разодетая, она, теперь уже финансовый директор одной из

крупнейших в стране компаний, будет искусственным голосом нести восторженную чушь, приплясывать, хлопать широко распахнутыми глазами... Это воображаемое зрелище заставило Тому в панике броситься к телефону. Пока не поздно, позвонить Оксане и отказаться! Пусть сама решает свои проблемы как знает. В конце концов, опытный дедушка может выступить и один, без внученьки. Но Оксана как чувствовала, что Томка может испугаться и передумать: ее телефон уже был выключен. Тамара звонила Оксане весь вечер и утром, но абонент был по-прежнему недоступен, так что ближе к полудню финансовому директору одной из крупнейших в стране компаний пришлось смириться с мыслью, что превращения в Снегурочку не избежать. Кинуть бывшую одноклассницу без всякого предупреждения Тамара, привыкшая держать свое слово любой ценой, не могла. Оставалось только ждать звонка от пресловутого Деда Мороза, в ожидании его появления разрисовывая свое лицо так, чтобы соответствовать красочному образу Снегурочки.

Неизвестный абонент позвонил Тамаре в начале первого.

— Ну что, внученька, собралась? — Хорошо поставленный голос соответствовал роли.

«О господи... — только и промелькнуло в ее

голове. — Не слишком ли вжился в роль старый хр... хранитель детских утренников?»

— Ну, так выходи тогда, дедушка тебя уже ждет у подъезда.

Тамара вышла, гадая, как ей узнать во дворе «дедушкину» машину. Но искать ее не пришлось: «дед», при полном параде, стоял возле авто, уже успев привлечь к себе внимание ребятшек. Пока Тамара шла к нему, он успел раздать каждому по маленькой шоколадке, потом шагнул ей навстречу:

— А вот и внученька моя пожаловала! Ну, одевайся, милая, да поехали.

Костюм Снегурки лежал на заднем сиденье машины. Тамара быстро сняла и бросила на заднее сиденье свою шубку, натянула маскарадную. Ребятня с жадным интересом наблюдала за ее перевоплощением, и, чтобы не разочаровать детей, Тома сразу же надела и шапку с косами. Хотя косы-то могла заплести и свои, пусть не очень длинные, но смотрелись бы они куда роскошнее, чем торчащая из-под шапки блондинистая пакля. Но не отрывать же ее было, портя костюм! Так что собственную копну волос Тамара скрутила, закрепив заколкой. Села на переднее сиденье, взглянула на себя в зеркало заднего вида и осталась довольна: вроде такая неплохая Снегурочка вышла. Даже наоборот... И Дед Мо-

роз рядом с ней просто шикарный. По глазам видно, что молодой, — все остальное лицо тонет в пышных белоснежных усах и бороде.

«Дед» озорно подмигнул Тамаре, включил зажигание. Выезжал со двора осторожно: некоторые из ребятишек какое-то время еще бежали следом за их машиной, крича и размахивая руками. Тамаре оставалось только удивляться такой реакции: семьи в их домовом комплексе жили далеко не бедные, и эти ребятишки наверняка имели в своей жизни немало всего, но тем не менее простому появлению во дворе самого обычного Деда Мороза с его мелкими гостинцами были искренне рады. Да и встречные взрослые тоже начинали улыбаться, увидев, кто сидит за рулем. Наверное, все дело было в предвкушении праздника, в ожидании чудес, вот и настроение было у всех соответствующее.

Глядя на улыбающиеся лица, Тамара вдруг осознала, что сейчас она даже благодарна Оксане, втянувшей ее в эту новогоднюю авантюру. Если бы не эта поездка в маскарадных костюмах, скорее всего она снова не заметила бы праздника, он пролетел бы так же незаметно, как многие другие за последние три года. Похоронив своего любимого и самого близкого человека, Тамара в каком-то смысле и сама ушла из жизни, перестав замечать все ее маленькие радости, только работа для нее еще имела какой-то смысл. Ну, и

еще почти механическое увлечение гимнастикой с закалкой. А дни и ночи, будни и праздники, времена года мелькали мимо, как пейзажи за окном несущегося поезда... И вдруг — вот она, маленькая остановка, крошечный живительный оазис для словно бы омертвевшей души! Она внезапно поймала себя на том, что ответно улыбается водителям встречных машин — они с «дедулей» успели выехать на шоссе, влившись в предпразднично плотный и оттого довольно медленный поток машин.

Куда именно везет ее «дед», она не обращала внимания, погружившись в свои мысли и полагая, что он знает дорогу. Поэтому была немало удивлена, когда машина остановилась перед вполне обычной многоэтажкой. Оксана ведь говорила про богатого клиента? Тамарино воображение успело нарисовать если не частный дом, то хотя бы жилой комплекс бизнес-класса, вроде ее собственного. Оказалось, нет. Возможно, клиент на самом деле не так уж и крут? Для Тамары это стало бы хорошей новостью: и папаша, вероятно, не будет диктовать свои условия, как мог бы, и дети окажутся не особо избалованными... Тем не менее, когда машина притормозила, Тамара почувствовала, как вся ее недавняя радость улетучивается, снова уступая место брезгливому нежеланию кривляться на потеху публике.

— Ну что, внученька, волнуешься? — спросил «дедуля», оценив выражение ее лица.

И поскольку «внученька» не стала вводить «деда» в курс дела, расписывая ему истинное положение вещей и все свои чувства, а лишь коротко кивнула в ответ на вопрос, поспешил ее приободрить:

— Ничего, это у всех артистов так. Даже у бывалых мэтров перед каждым выходом на сцену, уж ты мне поверь! Так что не робей, а для снятия напряжения давай-ка мы с тобой хлопнем по рюмочке...

Предложение было не таким уж несвоевременным, а коньяк, появившийся в руках у «дедули», оказался не из дешевых, так что Тамара решила, что лишней подобная терапия не будет. Дождавшись, пока «дед» наполнит одноразовые стопки, она приняла у него одну.

— Ну давай, внученька, с наступающим праздником тебя! — «Дед» потянулся к Тамаре стопкой, они чокнулись и выпили...

Ну, по крайней мере Тамара-то точно выпила, а за «дедом» у нее не было причин следить. Тогда не было. Потому что теперь ей было очень даже интересно: а выпил он тогда или нет? Почему она даже не задалась вопросом, что за «козырь в рукаве» должен быть припрятан у «дедушки» для проезда нетрезвым через пост ДПС?

Именно с этого момента у Тамары все ее дальнейшие воспоминания и отрезало как ножом. Начисто! И теперь можно было только гадать: а что же случилось, почему и что за этим последовало? Может, ей стало плохо, а «дед» испугался и поспешил избавиться от тела, не разобравшись, что оно еще живое? Или они оба отравились паленым коньяком, а кто-то их вывез за город и бросил, предварительно ограбив? Ведь неизвестно, как у «деда», а у Тамары в сумочке были наличные, причем приличная сумма. И дорогой телефон! Хорошо хоть документы она оставила дома, а без них и ключи от квартиры случайному воришке, не знающему адреса, вряд ли пригодятся.

Но если все так, если их с «дедом» действительно ограбили, то почему после этого разбросали по разным местам? Ведь очнулась Тамара в гордом одиночестве... Следы пытались замести? Или «дед» все-таки причастен к Тамариным злоключениям? Но тогда встает вопрос: а зачем ему это было нужно? Он ведь знать ее не знал, они виделись первый раз в жизни.

Тут Тамара задумалась: а что, если ему была нужна совсем не она, а Оксана?! Знал ли он Оксану в лицо или должен был выступать с ней впервые? Если он не знал о замене, то вполне мог ошибиться! А потом, поняв свою ошибку, вывез Тамару за город и выбросил в снег. Хотя

мог бы и в городе оставить, на лавочку посадить, так у очнувшейся женщины было бы больше шансов выжить. Но нет, предпочел взять грех на душу, если это, конечно, действовал он... Тут голова у Тамары окончательно разболелась — и от холода, и от напряженной работы мыслей. Но в двух вещах она была теперь уверена: в том, что ее хладнокровно пытались убить, не важно, по каким мотивам, и в том, что Оксане тоже угрожает опасность.

Эх, позвонить бы ей сейчас! Узнать, как она, и предупредить! Но телефона нет. Всего лишь телефона, а такое чувство, как будто она лишилась как минимум одной руки. И как только раньше люди жили вообще без мобильных?! Тамара даже представить себе этого уже не могла, хотя в далекие юные годы успела ухватить «безмобильный» кусочек жизни. Но он как-то выпал из памяти. До сегодняшнего дня, пока она не оказалась на пустынной дороге среди леса, под уже полностью потемневшим небом.

Интересно, который час? Не узнать, потому что ответ на этот вопрос ей обычно давал все тот же телефон, а иногда часы, которых сейчас тоже не было. Но вряд ли час поздний, ведь темнеет в декабре очень рано. Значит, процесс по вывозу Тамары в лес не занял у злоумышленников много времени, потому что, когда она очну-

лась, было еще светло. Но раз так, то завезли ее не очень далеко.

Тамара остановилась, снова прислушалась, пытаясь различить шум машин, пусть даже и далекий, но способный дать хотя бы надежду. Снова ничего не услышала, кроме тихого шума ветра в верхушках деревьев, зато поняла, что хотьба ее согрела, потому что ее уже не трясло так мучительно, как там, возле кучи валежника, где ей довелось сегодня очнуться. Просто было холодно. Хорошо, что хоть ветер не сильный, иначе было бы хуже. Но все равно, стоять нельзя, надо двигаться, чтобы мороз вновь не взял верх. И Тамара опять пошла. Все вперед и вперед по неизвестно кем и куда накатанной дороге.

Маленькое селенье в несколько домишек она бы не заметила, если бы оказалась возле него чуть раньше, до того, как хозяева зажгли в окнах свет, или попозже, когда окна потемнели бы ввиду отхода хозяев ко сну. Но Тамаре повезло. Она не увидела заметенную снегом тропу, уходящую от основной дороги к селению, но зато заметила желтые окна, маячками светящие ей сквозь снежную пелену. Тут Тамара уже целенаправленно начала искать, как бы туда добраться, и в итоге нашла тот сглаженный выпавшим снегом поворот, мимо которого прошла буквально пару минут назад.

Свернула на него и двинулась по более узкой дороге, не без тревоги гадая, кто же может там жить, в конце пути, за этими освещенными окнами. Не хотелось бы нарваться на компанию каких-нибудь пьяниц... Хотя Тамарино положение было уже столь отчаянным, что радоваться следовало любому встречному, кто бы смог и захотел ей помочь. Лишь бы зла не причинили. Ну, или добились, чтоб не мучилась...

Все больше волнуясь и одновременно чувствуя, как ее покидают последние крохи сил, Тамара вошла в незнакомый поселок. Судя по теням, выступающим из-за снежной завесы, здесь было не меньше десятка домов, но окна светились лишь в трех из них. Тамара вошла во двор первого же обитаемого дома. Из будки на нее заворчала собака, старая, судя по голосу. Потом нехотя гавкнула несколько раз, исполняя свой долг, однако из будки в такую погоду вылезать не решилась. Тамара с опаской прошла мимо нее и поднялась на крыльцо. Слегка перекошенные ступеньки чуть слышно скрипнули под ногами. Звонка она не нашла и постучала в дверь костяшками негнущихся замерзших пальцев. За дверью послышались неторопливые тяжелые шаги.

— Клавдия, ну чаво барабанишь, заходила б уж сразу-то! — В голосе, явно принадлежащем пожилой женщине, послышались ворчливые

нотки. — Гоняешь меня попусту... Ой, бабушки! — вырвалось у хозяйки уже после того, как она распахнула дверь и увидела на крыльце особу в расшитой стразами шубке и с бутафорскими косами, спадающими на грудь. — Никак Снегурка? Настоящая? Это откуда ж ты, милая, здесь взялась? Ты Степанидина, что ли, внучка? Варенька? Приехала-таки бабку перед праздниками навестить? Ну, заходи, заходи.

Тома, то ли растерявшись, то ли от того, что замерзший голос не подчинился уже ее воле, даже не успела ответить.

Судя по улыбке на лице женщины, она вначале подумала, что это ее соседки пытаются устроить ей маленькое предновогоднее представление. Но улыбка моментально сошла с ее губ, когда, поднеся тусклый светильник к Томиному лицу, она разглядела его синюшный оттенок и услышала хриплый голос, сопровождаемый кланьем зубов:

— Пожалуйста, помогите мне, я з-з-заблудилась...

Сама Тамара, наверное, приняла бы такую посетительницу за существо из загробного мира, после чего живо попыталась бы выставить зомби вон, сопровождая свои действия испуганным визгом. На ее счастье, тетка оказалась не робкого десятка или же просто не верила во всякую нежить. Во всяком случае, после короткого за-

мешательства она уверенно потащила Тамару в дом, приговаривая:

— Пойдем, пойдем скорее! Ой, да батюшки! Откуда же тебя сюда занесло? Где ж ты так замерзнуть-то успела? Неужто беда какая случилась?

Тамара ей не отвечала. Не потому, что ей было в принципе сложно ответить на эти естественные вопросы. Просто, оказавшись вдруг в густом избяном тепле, она во всей полноте ощутила, как глубоко проник в нее холод. Успел просочиться в каждую клеточку, в каждый сосудик, исколов их изнутри острыми кристалликами инея. Тамара затряслась так, что вынуждена была тяжело опуститься на ближайшую табуретку, чтобы не упасть. Пальцы опухали на глазах, и в них тоже запульсировала боль, а дыхание вырывалось из груди со всхлипами, как после долгих рыданий.

— Потерпи, милая, потерпи, сейчас все сделаем! — захлопотала тетка.

Она живо содрала с Тамары ее заснеженный, а теперь стремительно промокающий бутафорский костюм, заставила ее подсесть поближе к жарко натопленной печке, потом позвенела над столом посудой и поднесла своей гостье под нос полный стакан самогона:

— Вот! Давай-ка, без споров и залпом! Надо!

Тамара осознавала, что да, и в самом деле надо. И не мартины, не марочное вино, и... даже не коньяк. Будь он неладен... Жестом попросила тетку с ее стаканом пару секунд подождать, собралась с духом... Огненный смерч прокатился к желудку, завитками пламени успев проникнуть и в легкие. Тамара мучительно закашлялась и с шумом вдохнула. Но через пару минут почувствовала, как становится легче. Даже, прокашлявшись, дышать стала уже без прежних всхлипов.

— На, закуси! — Дождавшись, когда ее гостя окончательно отдышится, тетка сунула Тамаре кусок хлеба с тонким ломтем сала и соленым огурчиком. И пока Тамара почти механически жевала его, продолжила над ней колдовать.

Раздела до самого нижнего белья, растерла тем же самогоном, надела сверху добытую в шкафу байковую ночнушку. Потом уложила в постель, укрыла одеялами, напоила чем-то, уже безалкогольным, но настолько горячим, что Тамаре запомнился не вкус, а лишь ощущение раскаленной лавы, стекающей по горлу и пищеводу. А потом подействовал самогон, и Тамара почувствовала, что проваливается в небытие. Но теперь, в теплой избе, а не посреди заснеженного леса, она могла позволить себе отключиться, поэтому закрыла глаза, не опасаясь того, что может уже никогда не проснуться. Если, конечно,

ей не пригрезилась эта изба, тогда как на самом деле она засыпает сейчас на пустынной зимней дороге...

Наверное, то средство, что было добавлено в выпитый Тамарой коньяк, было не каким-то ядом, а просто снотворным, быстро действовавшим и позволившим вывезти ее в лес. И оно не выветрилось из ее организма, а просто немного ослабило свое действие на морозе, что и позволило ей очнуться в лесу, нарушив все коварные планы ее несостоявшихся убийц. Теперь же в тепле да на выпитый самогон оно снова начало действовать. Ничем другим нельзя было объяснить, почему Тома погрузилась в непроглядно черное небытие, не сравнимое ни с каким, даже самым глубоким опьянением.

Несколько раз ей чудилось, будто она и в самом деле уже умерла. Выходя из полной темноты, она как будто летела куда-то и даже видела перед собой улыбающегося Женьку, такого, каким он был еще до своей болезни. Тамара тянулась к мужу всей своей истосковавшейся душой, но он отступал назад, так и не позволив к нему прикоснуться, продолжая ей улыбаться на расстоянии. Иногда кто-то тормошил Тамару, заставляя ее ненадолго выйти из забытья, и подносил к ее губам чашку, из которой она послушно пила, почти не осознавая происходящее. А потом снова падала куда-то. Постепенно эти про-

валы сменило странное полубредовое состояние, в котором она видела густой и пушистый снег. Он почему-то был теплым, и на его фоне она видела склоняющиеся над ней незнакомые лица, слышала какие-то голоса. Вроде три, и все женские... Она даже периодически понимала, о чем они ведут речь.

— Как она попала-то сюда? Пешком дойти не могла, да и зачем? Наверное, не дала какому-то козлу, вот он ее сюда и завез, и бросил. Но это ж он и убить ее так мог!

— Да, попадают же такие сволочи! А что до убийства, так как бы оно еще не удалось. Плохая она, Танька! Что хоть с ней такое творится-то? Надо с ней что-то делать!

— Я делаю все, что могу, если ты этого еще не заметила.

— В больницу ее надо.

— Это ты хорошо придумала — в больницу, а только как? Языком мелешь попусту. Как будто не знаешь, что сейчас, после снегопада, ни одна нормальная машина сюда не проедет. Теперь только после праздников трактор дорогу расчистит или лесовозы пройдут, намнут колею. Не на санях же ее отсюда вывозить, больную-то? Да она как морозным воздухом снова надышится, так тут ей каюк и придет.

— Как бы не пришел. Вон уж два дня как толком в себя не приходит.

— Тьфу на тебя, Стешка, что каркаешь, зараза! Поправится она! Девка молодая, должна поправиться!

— А если нет? Тогда все трое виноватыми будем.

— Так, вы еще подеритесь, две дуры старые! Я лично с Танькой согласна, везти ее никуда сейчас нельзя. А чтобы виноватыми не быть, если что, надо в «Скорую» позвонить для очистки совести. А вот как пошлют они нас, узнав, куда надо ехать, так и будет у нас оправдание на случай, если вдруг девочка все-таки не выкарабкается.

— Ну вот, теперь они мне вдвоем тут каркать принялись! А ну, заткнулись обе, пока я вам каркалки-то скотчем не замотала! Без «Скорой» обойдемся. Что ее попусту вызывать, если машина все равно сейчас не сможет до нас добраться? А девчонка стабильная, и рефлексy у нее сохраняются. Так что отлежится и придет в себя! Сама. Обязательно!

— Ладно, не кипятись! Мы со Стешкой просто пытаемся перестраховаться. Девчонка-то по холоду шла, раздетая, да по всем прикидкам не один километр. Такой вояж любого подкосит.

— Про любого не знаю, а у этой даже насморка с кашлем не наблюдается. Так что все будет с ней хорошо! Ну да ладно, будем надеяться, что она у нас крепкая. Сколько там на часах-то уже? А то с этими спорами все на свете про-

зеваем. Тащи шампанское, хватит ему уже там, в сенях, остывать. Пока откроем, как раз время подоспеет...

Дважды хлопнула дверь, кого-то выпустив и снова впустив. Звякнули тарелки, на заднем плане ненавязчиво бормотал телевизор. Потом хлопнула вылетевшая из шампанского пробка, а голос из телевизора сменился боем курантов. И под звон бокалов та, которая не Танька и не Сешка, произнесла:

— Ну, с Новым годом, девочки! За нас!

— Как так «с Новым годом»? — Тамара, теперь уже совершенно осознанно, открыла глаза.

Голос ее был еле слышен, и тело как будто истаяло до какой-то хрустальной прозрачности, так что Тамара ощущала себя тонким стеклышком между двумя облаками легких, но толстых пуховых перин. Видимо, вот он отчего ей грезился, теплый снег... Не отрывая голову от подушки, она повернула ее на голоса и увидела трех женщин, сидящих с фужерами шампанского за празднично накрытым столом. Куранты отбили двенадцать раз, но из фужеров женщины так и не успели отпить, потому что застыли под гимн России, глядя на свою ожившую гостью.

— Вот тебе и новогоднее чудо! — первой опомнилась та, которая встретила Тамару в этой избушке. — Я же говорила, что оклемается, а вы мне не верили! — Она залпом выпила свое шам-

панское, живо пересела от стола к Тамаре, на краешек перины, и обратилась уже к ней: — Ну, как ты, детка? Кушать хочешь? У нас тут много всего, но я бы тебе предложила для начала бульончика. А то ведь ты, считай, два дня нормально не ела.

Тамара согласилась на бульончик. И пока тетка хлопотала, разогревая его, другая, судя по голосу, Стеша, обратилась к ней:

— Повезло тебе, деточка! Говорят, как Новый год встретишь, так его и проведешь. А ты, считай, в этот самый момент воскресла. Значит, и вся жизнь у тебя в этом году переломится к лучшему! Изменится кардинальным образом, ты уж мне поверь!

Тамара только вздохнула в ответ. Она поверила бы, если бы заранее не знала, что мечты несбыточны. Не воскреснет любимый муж, внезапно сгоревший от рака в расцвете лет. Не родится ребенок, которого они уже планировали как раз накануне Женькиной болезни. А что до престижной работы, так это было не главное в Тамариной жизни. И никогда бы она такой карьеры не сделала, будь у нее сейчас любимая семья. Потому что своей блестящей карьерой она лишь подменяла в своей жизни то, что было потеряно навсегда.

— Ну что ты так тяжело вздыхаешь, такая молодая, да еще и красивая? — Хозяйка сунула ей в

руки горячую литровую кружку и ломоть хлеба домашней выпечки. — Вот, давай, подкрепись для начала. А после знакомиться будем.

Бульон был явно нацежен из супа. Угадывались в нем крохотные частички овощей, да и вкус был богатым, насыщенным. Тамара жадно и с большим удовольствием пила его, пока остальные женщины наливали себе по второму фужеру шампанского. Чокнулись, еще раз поздравили друг друга и Тамару тоже. Потом наконец-то познакомились.

— Меня можешь тетей Таней звать, — сказала хозяйка. — А это тетя Стеша и тетя Клава. Вот и весь наш зимний мирок. Три старосты, как нас тут в шутку зовут, в отличие от одного, официального. Здесь ведь дачный кооператив, и летом сюда много народа наезжает, а зимой только мы одни кукуем. Ну, и в кои-то веки вот тебя к нам занесло. Чую, что недобрым ветром. Если захочешь, то завтра расскажешь каким. А сегодня, за праздничным столом, не будем говорить ни о чем плохом. Только о хорошем! И пусть наступающий год будет для всех счастливым!

За это снова выпили. Помня про принятую отраву, Тамара не решилась сделать даже глоток шампанского: вдруг та гадость опять заиграет? Вместо шампанского ей в фужер налили компот из китайских яблочек. Вкусный, домашний.

Начиная оживать, Тамара оделась и под села к столу. Тетя Таня вернула ей все ее вещи, чистые и отглаженные. Не отдали ей только костюм Снегурки — три веселые тетушки примерили его по очереди, и, когда выяснилось, что больше всего он подошел по размеру тете Клаве, та осталась в нем. Тамара не возражала: после того, что ей довелось пережить в этом самом костюме, с ним хотелось сделать что угодно, только не надевать... А вот тетя Клава сразу стала вживаться в роль. Раздала всем нехитрые подарки, а потом принялась запевать песни, которые тут же подхватывали все, включая Тамару.

Это был самый необычный Новый год в ее жизни. И в то же время самый теплый из всех за последние три года. Как будто она праздновала не в компании трех едва знакомых пожилых женщин, а в кругу семьи... Песни периодически прерывались для того, чтобы над праздничным столом снова прозвучали поздравления и пожелания. Добрые, искренние. Потом, под аккомпанемент телевизора, женщины пустились в пляс. Тетя Клава даже пыталась влезть на небольшой столик в углу, на котором обычно стояло ведро с водой, чтобы продемонстрировать, что «не только артисты такое могут», и подругам пришлось пресекать ее порыв, чтобы, по словам тети Стеши, «Голубой огонек» не отпечатался бы у плясу-

нии на пятой точке здоровенным синим пятном, когда она с этого столика рухнет».

— А чего это я рухнуть должна? — Снегурка подбоченилась и воинственно задрала нос. Парик на ней сбился, и волосы упорно падали на глаза, но, вместо того чтобы поправить шапку вместе с шевелюрой, Клавдия каждую минуту комично сдувала челку. Потом махнула рукой на подруг:

— А ну вас, что вы смыслите в высоком искусстве! — И пустилась в пляс уже на полу, помолодецки отбивая ногами ритм и сообщая на ходу: — А на столе я б вам и канкан могла станцевать! А вот теперь шиш вам обеим!

— Да куда тебе канкан! Даже и на полу-то! — поддела ее Стеша.

Эта фраза стала искрой, раздувшей целое пламя прерываемых смехом споров, во время которых отплясывать канкан принялись уже все трое. Тамара, которую охватило какое-то безудержное детское веселье, тоже присоединилась к ним, но из-за хохота и слабости у нее этот танец получался не лучше, чем у ее пожилых товарок. Обессилев от хореографических упражнений и безудержного смеха, вскоре все четверо попадали на стулья, обмахиваясь газетами, стопка которых была сложена для растопки возле печи. Выпили-закусили, после чего Снегурка наконец-то поправила свои косы и за-

дорно затянула: «Хороша я, хороша!» Остальные поддержали, заявив, что и они ничуть не хуже.

— Весело у вас тут, — во время очередного за-тишья сказала Тамара. Она могла бы добавить, что за этим столом она впервые за несколько лет забыла про все свои невзгоды, как давние, так и самые последние. Но не захотелось омра-чать застолье, даже вскользь упоминая о чем-то плохом.

— Ой, да это ты у нас еще летом не была! — сказала ей Степанида. — Зимой здесь тихо, а вот летом дачники такое порой отчебучивают, толь-ко держись!

— Ага, особенно то чучело из двенадцатого дома! — проворчала Татьяна. — Несколько раз чуть до нашего инфаркта дело не доводил! Как придет с друзьями в бане попариться, так всей деревней, сколько нас есть, потом бежим к нему во двор очередную жертву от лютой смерти спа-сать!

— Он что, бандит? — осторожно поинтересо-валась Тамара.

— Истинный! — заверила ее «снегурка». — То есть по профессии кто его знает, кто он там есть, а вот по сути даже надпись на лбу не надо ис-кать, чтобы в этом убедиться.

— Вот в последний раз, например, — Степа-нида подняла изрезанный морщинками указа-тельный палец, азартно затягивая паузу, — прие-

хало их гулять мужиков эдак восемь. Пока баню топили, успели уже накатить, и не винца, а чего-то явно покрепче. Потом парилка у них пошла. Напарятся — и на улицу. Из огромной железной бочки во дворе ведро зачерпнут да холодной водой и окатываются. Ну, как все нормальные люди делают, только орут при этом раза в два громче. Мы уж было вздохнули с облегчением: кажется, на этот раз пронесло! Ан нет, поторопились радоваться! Потому что после того, как бочку они где-то наполовину подвычерпали, им, видишь ли, приспичило поиграть. Бросили в бочку горстку всяких мелких предметов и ну за ними нырять вниз головой, выясняя, кто больше всякой мелочи зубами со дна подберет. Веселье било ключом! До тех пор, пока один из них, самый пузатенький, в этой бочке-то вниз головой и застрял! Тут же, прям без антракта, вторая часть концерта и началась! Кто вокруг забегал с криками, кто принялся бедолагу за ноги из бочки тянуть, ну, прям как в сказке про репку. А что его тянуть-то, если он там засел как влитой? Скорее ботву оторвешь, чем вытащишь. — Выразительно пожав плечами, она сделала еще пару глотков шампанского. — Хорошо, Татьяна наша не растерялась. Заскочила к ним во двор, растолкала всех мужиков да бочку набок опрокинула. С перепугу даже одна с этим делом справилась, без посторонней помощи. К счастью, тот

толстячок бочку собою не герметично заткнул, вдоль спины оставалась щелочка, так что вода в нее быстро вытекла. Мы как услышали, что этот там, в бочке, раскашлялся вместо того, чтобы булькать, так у нас прямо от сердца отлегло: хоть не захлебнется теперь. Но когда раскаты гулкового кашля из бочкиных недр сменились такими же гулкими матюгами и призывами о помощи, концерт перешел к своему третьему акту. Что только ни предлагали сделать с бочкой, чтобы выволить пленника: и распилить, и разрубить. Кто-то из набежавших зрителей предлагал оставить бедолагу, как Винни Пуха в норе у Кролика: похудеет, мол, так сам и вылезет. Кто-то предлагал вообще его там прописать и переименовать в Диогена. Когда эти идеи долетали до застрявшего, он начинал материться с новой силой, а бочка еще и гудела ему в тон. Но что было делать, если самые долгие способы вызволения были как раз и самыми безопасными? А вырубать живого человека из железной бочки не каждый умелец решился бы. Мы уже думали МЧС вызывать, как Клавдия наконец-то нашла решение проблемы: просто залила в бочку побольше шампуня, чтобы как следует смазать бедолаге бока, а потом пощекотала его хорошенько. По бочке прокатился громовой раскат мощнее предыдущих, но при этом дядька свое пузо все-таки подтянул и выкарабкался. Исцарапанный, изо рта мыльные

пузыри летят, но в целом счастливый. То есть матерился он все теми же словами, что и до этого, в бочке, но зато интонацию с отчаянной на радостную сменил. А нормальный-то словарный запас к нему, кажется, только на следующее утро вернулся, да и то не сразу. И даже после этого как взглянет на бочку, так сразу начинает мать поминать. Так-то вот! К нам эти пузарики, как очухались, приходили, чтобы отблагодарить за спасение друга. Пытались и деньги совать, и выпивкой ихней угостить заграничной, да мы попросили не деньгами, а валидолом и каплями дать, чтобы при следующей их гулянке лекарства были всегда под рукой. Они посмеялись, обещали вести себя поразумнее, да только что трезвый наобещает, пьяный не всегда выполнит, так что ждем следующего лета с трепетом и свежими запасами валидола.

Отсмеявшись, Тамара, прислушавшись к своему желудку и решив, что он не будет возражать, отважилась попробовать запеченную в печке курочку: уж очень вкусно та пахла. И даже осмелилась сделать пару глотков шампанского под рассказ трех подруг о том, как одна дачница отхлестала хворостиной по мягкому месту залезшего в огород медведя, в предрассветном тумане приняв его за собственного загулявшего мужа. То, что медведь вовсе не ее муж, она поняла лишь тогда, когда тот во все лопатки при-

пустил от нее к лесу — мужик-то ее давно уже так не бегал, да еще и на четвереньках. Потом еще был веселый сказ про наглуую белочку, по осени старательно перетаскавшую все плоды с орешника Степаниды. Когда подруги пошли посмотреть, куда зверек мог спрятать несколько ведер орехов (вопрос о том, куда бы в него столько влезло, пусть и за целую зиму, даже не поднимался), наглая белка прицельно закидала их шишками, сопровождая этот беспредел истеричным стрекотанием.

Спать легли уже под утро, после того как кукушка в старинных часах прокуковала четыре раза. Степанида с Клавдией отправились по домам, Татьяна уснула быстро, начав тихонечко похрапывать под тихое тиканье часов. И только Тамара не могла уснуть, несмотря на поздний час. Может, выспалась за прошедшие два дня, а может, на нее так повлияла сегодняшняя обстановка. Голова все еще слегка кружилась после шампанского, чуть звенело в ушах, и мысли, отодвинутые и заглушенные весельем, вернулись и накиннулись на Тамару сразу же, стоило лишь ей оказаться наедине с собой.

Самая первая мысль была, конечно, о том, что Оксане угрожает опасность. Если только перепутавшие Оксану с Тамарой убийцы не осознали уже свою ошибку и не исправили ее... В любом случае надо будет завтра же... нет, уже

сегодня с утра... как-то связаться с Оксаной и предупредить ее, чтобы была как можно осторожнее, а то и обращалась бы сразу в полицию. Тома позвонила бы ей прямо сейчас, если бы не украденный телефон со всеми номерами. Цивилизация избаловала нас, избавив от необходимости запоминать, как было раньше, цифры телефонных номеров, ведь для вызова абонента достаточно найти в списке его имя. Это удобно, но делает нас совершенно беспомощными в тех случаях, когда личная телефонная книжка оказывается вдруг недоступной. Сейчас именно так и было: тетя Таня готова была дать Тамаре свой телефон, и связь здесь имелась, но все упиралось в какие-то цифры...

Хотя... Да, имелся один вариант. Был один номер, который Тамара помнила наизусть, потому что не раз в порыве чувств удаляла его из телефона, а потом под давлением необходимости снова вносила. Но именно к этому человеку Тамара хотела бы обращаться за помощью меньше всего. Нет, он не был ее врагом, у них были равные отношения, как у хороших знакомых... ну, или почти. Просто слишком уж тяжелые воспоминания будил он в ней всякий раз, как она его видела или даже просто произносила его имя, мысленно, как сейчас. Егор Латонин. Бывший одноклассник и школьный друг мужа, надолго выпавший из взрослой Женькиной жизни. Так

надолго, что Тамара изредка слышала о нем, знала, что время от времени друзья переписываются, а вот познакомиться смогла лишь незадолго до того, как мужа не стало. Причем знакомство стало столь неординарным (мягко говоря), что теперь Тамара не могла видеть Егора без того, чтобы у нее все внутри не перевернулось. Она и сейчас зажмурилась, изо всех сил стиснув пальцы на скомканном пододеяльнике. Дура! Набитая дура! Хотя затея-то была исключительно Женькина, но винила во всем Тамара только себя.

Это произошло, когда Женька еще вполне свободно двигался, но работать уже не мог. После очередного курса облучения, видя, как ему тяжело, Тома настояла на том, чтобы он уволился. В качестве предлога она использовала несоответствие нынешнего оклада Женькиному профессиональному уровню, и муж за это ухватился: они оба с Тамарой жили в те дни по ими обоими установленным правилам. Она упорно делала вид, что все под контролем и ничего страшного не происходит, а он притворялся, что абсолютно с ней согласен и ни о чем не догадывается. И уволился якобы для того, чтобы подыскать более выгодную работу, хотя в действительности оба прекрасно знали, что ни о какой работе речь больше никогда не пойдет. С этого времени Женьке стало чуть полегче, по-

тому что у него установился тот самый щадящий режим, который рекомендовали врачи. Тамаре же стало гораздо тревожнее — неизвестно, чем он там занимается, пока она сама находится на работе, и что может прийти в его медленно, но верно поражаемую метастазами голову. Женька был старше ее почти на восемь лет, и раньше, до его болезни, Тома всегда признавала его главенство в их отношениях. Теперь же часто ловила себя на том, что начинает относиться к нему совсем иначе, как старшая к младшему, нуждающемуся в ее внимании и опеке. На работе она места себе не находила, опасаясь, что муж может что-то сделать с собой, и часто слала ему сообщения, нейтральные по смыслу, типа «Я тебя люблю», лишь затем, чтобы он ответил и она смогла бы понять, что с ним все в порядке. Он отвечал всегда, иногда писал тоже что-то нежное, иногда ограничивался отмашкой типа: «Да ладно тебе», но Тамара нисколько не обижалась. Главное, что ее благодаря этим ответам немного отпускало. Но ненадолго, потому что и вечера у них становились какими-то нестабильными. То они могли вместе смотреть телевизор или даже дружно, как прежде, заниматься чем-то по дому, а то вдруг Женька вспыхивал и замыкался в себе, уходил в другую комнату и, когда Тамара шла за ним, просил из-за закрытой двери, чтобы она оставила его в покое. При таком его

состоянии она очень обрадовалась, когда мужу позвонил внезапно объявившийся Егор, неизвестно где пропадавший долгие годы. Женя после этого звонка оживился и начал собираться на встречу с другом. Тамаре, конечно, было бы гораздо спокойнее, если бы Егор сам приехал к ним, но Женька в ответ на ее робкое предложение перезвонить Егору и пригласить его к ним отмахнулся: «Том, дай двум старым приятелям пообщаться наедине, мы столько лет с ним не виделись!» Тамара не стала спорить. Хотя и здесь, у них дома, не стала бы им мешать, и муж прекрасно об этом знал. Но теперь практически любой его каприз был для нее законом, так что она лишь собрала ему с собой всяких закусок на случай, если у Егора в его холостяцкой квартире не окажется съедобных запасов, и проводила до подъезда к вызванному такси.

Если бы она только знала, во что выльется эта поездка!.. Женька вернулся около двух часов ночи, и дожидавшаяся его Тамара с порога заметила, что муж сам не свой. Женька был напряженный, как струна, губы плотно сжаты, а главное, он избегал смотреть жене в глаза, чего никогда с ним раньше не было.

— Жень, милый... — Тамара взяла его за руки, но он их вырвал.

И процедил: